

Виссарион Белинский

Стихотворения
Аполлона Майкова

«Стихотворения Аполлона Майкова» — произведение известнейшего литературного критика Виссариона Белинского. Белинский известен новаторскими взглядами на цель и функции художественного слова. Виссарион Белинский вошел в историю мирового литературоведения как талантливый ученый, который обосновал теорию реализма, выступая за максимальную приближенность литературы к действительности.

Виссарион Григорьевич Белинский Стихотворения Аполлона Майкова

Санкт-Петербург. 1841¹

Даровита земля русская: почва ее не оскудевает талантами... Лишь только ожесточенное тяжкими утратами ² или оскорбленное несбывшимися надеждами сердце ваше готово увлечься порывом отчаяния, — как вдруг новое явление привлекает к себе ваше внимание, возбуждает в вас робкую и трепетную надежду... Заменит ли оно то, утрата чего была для вас утратою как будто части вашего бытия, вашего сердца, вашего счастья: это другой вопрос, — и только будущее может решить его: настоящее может лишь гадать о том на основании уже данного факта. И такой именно факт дает нам изящно напечатанная книга, заглавие которой стоит в

¹ На титульном листе книги указан 1842 г.

² Речь идет о недавней трагической гибели М. Ю. Лермонтова.

начале этой статьи. Отстраняя все гадания, которые могут быть произвольны или односторонни, и предоставляя времени решение вопроса о степени поэтического таланта г. Майкова, — мы скажем пока только, что многие из его стихотворений обличают дарование неподдельное, замечательное и *нечто* обещающее в будущем. Говоря так, мы думаем, что много сказали в пользу молодого поэта: можно быть человеком с дарованием и не обещать развития; только сильные дарования в первых произведениях своих дают залог будущего развития... Явление подобного таланта особенно отрадно теперь, в эту печальную эпоху литературы, осиротелой и покрытой трауром, — теперь, когда лишь изредка слышится свежий голос искреннего чувства, более или менее звучный отголосок внутренней думы; теперь, когда в опустевшем храме искусства, вместо важных и торжественных жертвоприношений жрецов, видны одни гримасы штукмейстеров, потешающих тупую чернь; вместо гимнов и молитв, слышны пли непристойные вопли самолюбивой посредственности, или неприличные клятвы торгашей и спекулянтов...

Наша литература, несмотря на свою молодость и незрелость, уже свершила несколько фазов развития, уже дала не один факт для опытности ума мыслящего и наблюдательного. Из числа ее великих действователей нет почти ни

одного, свободно и до конца развившего свои творческие силы... Но сколько было у нас талантов, так много обещавших и так мало выполнивших, так великими казавшихся еще недавно и так незначительных теперь!.. И все то благо, все добро! ³ Благодаря этому обстоятельству теперь только разве низшие слои публики, полуграмотная чернь, может принимать за поэзию дикие, изысканные и вычурные фразы и приходиться в неистовый восторг от тривиального сравнения голубых глаз с небом, а черных — с адом... Точно так же теперь только разве необразованная, невоспитанная посредственность решится «призывать вдохновение на *высь чела*, венчанного звездой», выдумать «грудь, которая высоко взметалась беспредметною любовью» ⁴, или отпускать другие подобные стихотворные вычурные. А прежде — и еще очень недавно, все это могло и даже должно было нравиться всем, за исключением только немногих избранных поклонников искусства. Честь и слава гг. Марлинскому,

³ Из стихотворения Державина «Утро» (1802).

⁴ Цитируется стихотворение С. Шевырева «На смерть поэта» (1841), написанное после гибели М. Ю. Лермонтова, и «Южная ночь» (1839) Бенедиктова.

Языкову, Хомякову, Шевыреву и Бенедиктову! Они навсегда обратили русскую литературу к благородной простоте и навсегда избавили нашу публику от склонности к изысканной дичи в мыслях и выражении!.. Их образ действия и усилия для этой цели были совершенно обратные и отрицательные; но зато результаты вышли теперь и прямые и положительные. В этом случае нам мало нужды даже до намерений и мотивов: результат всё выкупает, хотя бы он был и совершенно неожидан для самих действующих... Здесь нельзя не упомянуть с благодарностью имени г. Полевого, который стремился к той же цели, и притом еще двумя совершенно различными путями: *бессознательно* — философско-историческими статьями, критиками и повестями⁵; и *сознательно* — превосходными пародиями на стихи некоторых диких поэтов, которые помещал он в своем «Новом живописце общества и литературы» — этом

⁵ В статьях о романтизме Полевой невольно акцентировал внимание читателя на уязвимых местах романтизма, тем самым играя на руку противникам романтического направления (см.: Н. А. Полевой. О романах В. Гюго и вообще новейших романах, «Московский телеграф», 1832, № 1, с. 85–104; № 2, с. 211–238, № 3, с. 370–390). В брошюре «Николай Алексеевич Полевой» (1846) (Белинский, АН СССР, т. IX, с. 671–687) критик снова вернулся к этой мысли.

лучшем произведении всей его литературной деятельности...⁶ Да, заслуги этих людей, вольные и невольные, сознательные и бессознательные, поставили, так сказать, на ноги пашу юную литературу и наш младенчествуящий вкус. Это произвело важные и благодетельные следствия. Маленькое дарование теперь не попадет в гении. Посредственность и бездарность может теперь сколько ей угодно петь стихами и скрипеть прозой, не подвергаясь опасности быть замеченною со стороны публики: она теперь обращает на себя

⁶ «Новый живописец общества и литературы» — отдел «Московского телеграфа», с 1830 г. стал особым приложением. С 1832 г. при журнале начало издаваться приложение под новым названием «Камер-обскура книг и людей». Перу Полевого принадлежит здесь ряд пародий на стихи современных ему поэтов и, в частности, на стихи Шевырева. Одну из таких пародий на стихотворение Шевырева «Стансы Риму» (см.: «Телескоп», 1831, ч. 2, с. 179–180) Полевой подписал «Картофелин» и назвал «Рим» (см.: «Московский телеграф», 1832, № 7, и «Камер-обскура», с. 129–130). В 1832 г. литературные пародии были изданы отдельным сборником — «Новый живописец общества и литературы» (в 6-ти частях). Положительную оценку этому сборнику Белинский дал в статье «Были и небылицы» (1843) (Белинский, АН СССР, т. VI, с. 560–561). О пародии Полевого на Шевырева см. также в статье Белинского «Педант», где критик полностью цитировал ее, но цензура выбросила это место (наст. т., с. 595–596).

внимание только журналов, и только в тех, которые сродни ей, встречает себе похвалы. Чем труднее теперь обратить на себя общее внимание, тем легче истинному таланту быть тотчас же замеченным. В прозе еще до сих пор и маленькое дарование может быть замечено; но стихами, которые не то чтоб худы, да и не то чтоб очень хороши, уж невозможно приобрести ни малейшей известности. Время рифмованных побрякушек прошло невозвратно; ошущеньица и чувствованьица ставятся ни во что: на место того и другого требуются глубокие чувства и идеи, выраженные в художественной форме, с рифмами или без рифм — все равно. Для успеха в поэзии теперь мало одного таланта: нужно еще и развитие в духе времени. Поэт уже не может жить в мечтательном мире: он уже гражданин царства современной ему действительности; все прошедшее должно жить в нем. Общество хочет в нем видеть уже не потешника, но представителя своей духовной идеальной жизни; оракула, дающего ответы на самые мудреные вопросы; врача, в самом себе, прежде других, открывающего общие боли и скорби и поэтическим воспроизведением исцеляющего их... Если такой взгляд на важность поэзии и высокое значение поэта не помешал нам посвятить целую критическую статью разбору первых опытов г. Майкова, — значит, мы много видим в даровании

нового поэта. Но это обстоятельство и требует от нас возможно критической строгости, которую молодой поэт должен принять только за доказательство нашего уважения к его таланту.

Стихотворения г. Майкова хоть и расположены без всякой системы, без всякого разделения, тем не менее они сами собою разделяются, в глазах читателя, на два разряда, не имеющие между собою ничего общего, кроме разве хорошего стиха, почти везде составляющего неотъемлемую принадлежность музы молодого поэта. К первому разряду должно отнести стихотворения в древнем духе и антологическом роде. Это перл поэзии г. Майкова, торжество таланта его, повод к надежде на будущее его развитие. Второй разряд составляют стихотворения которых автор думает быть современным поэтом и которых лучшая сторона — хороший стих. Но об этих после; сперва поговорим о стихотворениях первого разряда.

Читателям «Отечественных записок» должно быть известно наше понятие о сущности и важности так называемой *антологической* поэзии, и потому мы, не желая повторять себя, будем говорить только о поэзии г. Майкова; тех же из читателей, которые не знают нашего понятия об антологической поэзии, попросим заглянуть в

статью о «Римских элегиях Гете»^{7 8}. Теория антологической поэзии имеет такое близкое отношение к некоторым из стихотворений г. Майкова, что мы в помянутой статье выписали, как превосходнейший образец в антологическом роде, его дивно поэтическую, роскошно художественную пьесу «Сон»⁹, не зная, кому она принадлежит и

⁷ «Отечественные записки» 1841, т. XVII, отделение «Критики» стр. 23.

⁸ См.: наст. т., с. 94–124. Говоря об антологической поэзии, которая имеет «близкое отношение к некоторым из стихотворений г. Майкова» Белинский охарактеризовал ее особенности: «Простота и единство мысли способной выразиться в небольшом объеме, простодушие и возвышенность в тоне, пластичность и грация формы» (наст. т., с. 49). При этом, несмотря на утверждение Белинского, что «пластицизм» отнюдь не должен быть каким-нибудь внешним нарядом, искусственной отделкою или известною манерою, но выражением внутреннего и сокровенного духа жизни» (наст. т., с. 121), антологическая поэзия понимается им прежде всего как поэзия формы: «Сущность антологических стихотворений состоит не столько в содержании, сколько в форме и манере» (наст. т., с. 119). Примечательно, что эту статью Белинского Майков назвал «превосходной» (А. Н. Майков, Избранные произведения. Л., «Советский писатель», 1977, с. 794).

⁹ Стихотворение «Сон» (1839) Белинский выделил из всех произведений Майкова (см. преамбулу к данной статье).

написал ли автор ее еще что-нибудь. Эта пьеса была напечатана первоначально в «Одесском альманахе» на 1840 год, — и мы при разборе этого «Альманаха», еще задолго до статьи о «Римских элегиях», выписали в нашем журнале это стихотворение, скромно подписанное буквою М¹⁰. И — смотрите и судите сами — удивительно ли, что это стихотворение, без подписи знаменитого, или, по крайней мере, знакомого имени, поразило нас до того, что мы перенесли его на страницы своего журнала при громкой похвале и потом, с неослабевшим энтузиазмом, припомнили его через четырнадцать месяцев;

Когда ложится тень прозрачными клубами
На нивы желтые, покрытые скирдами,
На синие леса, на влажный злак лугов;
Когда над озером белеет столп паров,
И в редком тростнике, медлительно качаясь,
Сном чутким лебедь спит, на влаге отражаясь,

Иду я под родной, соломенный свой кров,
Раскинутый в тени акаций и дубов,

10 «Отечественные записки», 1840, т. IX, отд. «Библиографической хроники», стр. 14.